

Петербургский миф
в поэме А.С. Пушкина “Медный всадник”
и поэзии З.Н. Гиппиус

Петербург – уникальное явление русской культуры, “новый город в новой стране”¹ (1). Этот город, которому ничего не было дано и которому все пришлось отвоевывать: у природы, у Бога, город “умышленный”, словно “вытащенный” (Д. Мережковский) из земли, настолько потряс сознание целого народа, что реальное событие общественной жизни преобразовалось во вселенское таинство. В Петербурге поражало всё: и сказочная быстрота строительства, и архитектурное великолепие, и, наконец, основание города в таком месте, где его не могло быть. При этом Петербург не просто реформировал старую культуру, он ее отменил, оказавшись в метафизической пустоте, пустоте культурного бытия.

Город без естественной истории, без культурного потенциала. Эта пустота возмещалась мифологией. “Ситуация искусственного города оказалась исключительно мифогенной”, – замечает Ю.М. Лотман.²

По А.Ф.Лосеву, Миф есть Слово, выражающее суть Чуда, обобщающего Историю, пропускаемую через Личность. Таким чудом является преобразование Хаоса в Космос Словом, создание города волей и мыслью.

Город–миф Петербург творит собственную мифологию. По мнению Ю.М. Лотмана, мифология Петербурга основана на двух архетипах – “вечного Рима” и “невечного, обреченного Рима” (Константинополя). Христианское сознание наполняет эти архетипы библейскими образами.

---

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1955.– С. 394.

² Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города// Семиотика города и

Петербургская мифология² соединяет два взаимоисключающих мифа о Петре и Петербурге – миф парадиза и миф конца. По наблюдению М. Кагана, “Петербург – единственный в мире город, самосознание которого так противоречиво: любовь и ненависть, восхищение и пожелание гибели”.³

Парадоксальная противоречивость петербургской мифологии органично входит в “петербургский текст”. Это понятие было введено В.Н. Топоровым, он же определяет основные элементы и круг текстов русской литературы, связанных с ним. Начало “петербургского текста” было положено А.С. Пушкиным поэмой “Медный всадник”.

Одна из принципиальных характеристик “петербургского текста”, рождающая знаковую перенасыщенность художественного произведения, обращение к “петербургскому мифу”.

В поэме “Медный всадник” миф о Петре – чудотворце в новой, индивидуально– поэтической форме, обретает первозданную свежесть.

Священные города основывались сразу, в один день, чтобы существовать вечно. Основателями таких городов становились боги или герои, наделенные божественной силой. Такую силу приписывает Петру “петербургский миф”. Легенда рассказывает, что при закладке города появился орел, которого Петр посадил на руку и вместе с ним через подобие ворот вошел в несуществующий город. Если учесть, что орлы вообще никогда над Невой не появляются и Петр не присутствовал при закладке города, то смысл легенды становится ещё очевидней. Орел как посланец богов, символ безграничной власти и обороноспособности должен был подтвердить божественное происхождение Петра:

³
*На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел...*

Кто он? Не названо, но узнаваемо. Так говорят о том, чье имя не произносится всуе. Это “образ духа, творящего из небытия”.⁴ Но из небытия ли? На самом деле, только на месте исторического центра города существовало около сорока поселений. Однако Пушкин опирается на одну из легенд “петербургского мифа” о пустыне на месте будущего Петербурга.

В обрисовке местности поэт подчеркивает черты убожества, мрака, сознательно добиваясь сходства с образами книги “Бытия”. Характерен подбор эпитетов: “пустынные волны”, “бедный челн”, “стремился одиноко”, “мшистые, топкие берега” и др. Появляется образ “спрятанного солнца”. В многочисленных религиях культ солнца связан с мотивом уничтожения мрака. В христианском образном мире Солнце является символом бессмертия и воскресения.

Петр, подобно божеству, силой творческого вдохновения, полный “великих дум”, рассеивает тьму. Свершилось чудо творения вопреки колоссальным препятствиям, самим законам природы. Сто лет прошло, как краткий миг истории. И возник Петербург как победа над хаосом, как воплощение космической гармонии. В небо вернулось солнце (образ “золотых небес”), все обрело красоту и смысл:

*В гранит оделась Нева,
Мосты повисли над водами,
Темно–зелёными садами
Её покрылись острова.*

Во вступлении образ Петра “соткан из тщательно

---

³ Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. СПб., 1996.–С.20

отобранных проявлений красоты и ⁴ вводит в атмосферу абсолютных ценностей” ⁵ . Петербургский миф Парадиза одухотворяется лирическим чувством поэта. Пушкинский Петербург – мечта Петра, ставшая завершенной реальностью.

Однако в поэме представлен и иной вариант “петербургского мифа” – миф конца. В этом варианте Петр предстает Антихристом, который колеблет веру, посягает на освященные церковью традиции, разрушает храмы. Явление людям Антихриста, который основал на человеческих костях город, является наказанием за вероотступничество. Бог не простит своих чад, пока они не укрепятся в вере, не свергнут Антихриста и не уничтожат его град. Особая роль в пророчествах о гибели града Антихриста отводилась наводнениям. Так трансформировалась в “петербургском мифе” тема вселенского потопа.

В мифе конца Петербург предстает как распад космоса, побежденного хаосом, смертью. Возникает образ “перевернутого” и обреченного мира.

В поэме есть мотивы, которые могут быть связаны с мифом о Петре – антихристе (например, тема “кумира”, “горделивого истукана” связана с представлением о языческих идолах, иже – богах). Миф о Петре – антихристе реализуется и в намеченной Пушкиным теме демонизма. Основной конфликт поэмы “Медный всадник” В. Ходасевич увидел во “вторжении темных сил в человеческую жизнь”.⁶ По наблюдению В.Н. Топорова, “если своими истоками миф Медного Всадника уходит в миф творения города, то своим логическим продолжением он имеет эсхатологический миф о гибели Петербурга”.⁷

---

⁴ Анциферов Н. П. Душа Петербурга: Очерки. – Л., 1990. – С. 59.

⁵ Маркович В. Петербургские повести Н.В. Гоголя: Монография. – Л., 1989. – С. 115.

⁶ Ходасевич В. Ф. Петербургские повести Пушкина // Аполлон. – 1915. – №3. – С. 38.

⁷ Топоров В.Н. Петербург и “Петербургский текст русской литературы (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М., 1995. – С. 275.

Соединив в едином художественном пространстве два варианта “петербургского мифа”, А.С. Пушкин раскрывает трагическую противоречивость Петербурга:

*Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит...*

Многие исследователи считают, что в “Медном всаднике” повторяется в развернутом виде антитеза, намеченная раньше – в только что приведенном четверостишии.⁸

Противопоставление блестящего града и “петербургского захолустья” (Б. Томашевский) реализуется Пушкиным во вступлении и “петербургской повести”. Так намечается важная для петербургского текста тема театра, где выделяются сцена и закулисье.

На сцене: “Невы державное течение”, “ясны спящие громады пустынных улиц”, “воинственная живость потешных Марсовых полей”. За кулисами – “мгла ненастной ночи”, “бледный день”, “пожитки бледной нищеты”, “гроба с размытого кладбища” и, наконец, “пустынный остров, где и погибает Евгений.

Двойственность Петербурга проявляется не только в социальных контрастах. В поэме показана трагическая противоречивость природы и культуры в антитезе воды и камня.

В качестве элементарного символа вода двойственна: с одной стороны, оживляет и несет плодородие, с другой – таит угрозу потопления и гибели. С точки зрения Н. Анциферова, который опирается на миф о Мардуке и Тиамат, Нева воплощает безликий хаос. И действительно, в поэме река сравнивается со зверем, который кидается на город, наводнение называется

“наглым буйством”, “злым бедствием”, рисуется страшная картина потопа:

*И всплыл Петрополь, как тритон,
По пояс в воду погружен*

Противостоять воде не может никто: ни царь, ни “маленький человек”. Лишь “насытись разрушением” вода возвращается в берега, торжествуя победу. Важен и образ огня, который как будто скрывается в глубинах волн, заставляя вспомнить о древних чудовищах и страшных вулканах. Наводнение мыслится Анциферовым мифическим символом угрозы человеку со стороны природных сил.

Камень же, напротив, – знак божественной власти, прочности и долговечности. Именно камень противостоит воде в многочисленных мифах, из камней после всемирного потопа возникли новые люди (в греческой мифологии). С образом камня связано имя основателя города – Петра.

Но петербургский камень – “камень на воде, на болоте... он наделен временностью и призрачностью”.⁹

В “петербургском тексте” Пушкина культура не побеждает природу – они на равных и в постоянной борьбе.

Главный конфликт поэмы В. Белинский увидел в столкновении “общего” с “частным”, несчастного с “гигантом на бронзовом коне”, воплощающем идею прогресса. Этот конфликт многократно исследован. Раскрыто несоответствие между образом Петра во Вступлении и образом “медного истукана”. Однако противоречивым оказывается образ и самого Медного Всадника, сочетающего силу и бессилие. “Мощный властелин судьбы” становится заложником в собственном городе:

И он, как будто околдован,

---

⁸ Слонимский А.Л. Мастерство Пушкина. М., 1959.–С.297.

⁹ Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. 18. Тарту., 1984.– С. С.33

Как будто к мрамору⁷ прикован,
Сойти не может!

Амбивалентность Петербурга, трагическая противоречивость, которая множится и углубляется, и порождает “петербургскую ситуацию”. “Нигде в русской литературе два мировых начала не сходились в таком страшном столкновении”, – очень тонко замечает Д.С. Мережковский.

В “петербургской ситуации” – ситуации между жизнью и смертью, надеждой и отчаянием, верой и безверием – оказывается и сам город, и его герои, и читатели “петербургского текста”.

Пушкин делает Петербург не столько объектом, сколько субъектом повествования. Город становится главным героем поэмы. Происходит персонификация петербургских образов: Невы, ночной мглы, Медного всадника. Кажется, оживают даже львы, спасающие Евгения во время наводнения.

“Медный всадник” – это не слово о Петербурге, это Слово Петербурга – Слово о спасении. В этом и заключается глубинный смысл “петербургской идеи”.

Идея спасения, преодоления ужаса и тупика “петербургской ситуации” владела умами и современников, и потомков. Пожалуй, выход рассматривался исследователями как поиск “правой стороны”. В. Брюсов выделяет три “парадигмы” (термин применительно к “Медному всаднику” предложен Ю.Б. Боровым) толкований поэмы: “государственная” концепция, “религиозная” (столкновение язычества и христианства) и “политическая” (самодержавие и мятеж против деспотизма). На знаменитом Пушкинском вечере в петроградском Доме литераторов 1921 года было названо восемь возможных интерпретаций поэмы. Некоторые из них достаточно оригинальны, например, конфликт “Медного всадника” проецировался на конфликт России и Польши, шире – России и Европы. Современный исследователь

А.Н. Архангельский⁸ считает, что “сила тяготения трех основных “парадигм” (“государственной”, “гуманистической”, “трагической неразрешимости конфликта) так велика, что исследователь, пытающийся резко сменить угол зрения, в итоге невольно оказывается примкнувшим к одной из них”.¹⁰

Выделенные парадигмы заставляют читателя или отдать предпочтение одной из борющихся сторон, или отказаться от всякой попытки разрешения конфликта. Думается, “петербургская идея” заключается в стремлении подняться над “петербургской ситуацией” через достижение человеком более высокого уровня духовности, “возвышаясь до величия тех сил, которые ему противостоят”.¹¹ Осознав жизнь как величайшую трагедию, Пушкин напишет: “Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать”. “Мы немножко испорчены гуманизмом”¹² (Ю.М.Лотман) и, может быть, слишком защищаем “маленькое счастье” “маленького человека”.

Петербург обнажает несостоятельность человеческих иллюзий. “Петербургская идея” спасения не может быть истолкована однозначно, она получает своё развитие в разных произведениях “петербургского текста”.

У Пушкина же эта идея неразрывно связана с идеями любви и нравственного стоицизма.

“Медный всадник” А.С. Пушкина как первое творение “петербургского текста” был настолько одновременно завершен и открыт, что начинает творить собственную мифологию. Вобрав в себя всю энергию “петербургского мифа”, “Медный всадник” становится знаком возвращающегося к читателям “живого” Пушкина, формулой философии истории, “главной, сквозной темой... поколения 1910–х годов”.¹³

¹⁰ Архангельский А. Стихотворная повесть А.С. Пушкина “Медный Всадник”. – М., 1990. – С. 5

¹¹ Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М., 1988. – С. 29.

¹² Столович Л. “Города и время”: Беседа с Ю.Лотманом // Метафизика Петербурга: Петер. Чтения по теории, истории и философии культуры. – Вып. 1. – СПб., 1933. – С. 88

¹³ Осповат А.Л., Тименчик Р.Д. “Печальную повесть сохранить...”: Об авторе и читателях “Медного всадника”. – М., 1985. – С. 118.

В “вибрациях... меди “⁹(А.Блок) “Медного всадника” оказались все крупнейшие поэты начала XX века: А.Блок и А.Белый, Ин. Анненский и В.Брюсов, Г. Иванов и В. Маяковский.

Для З.Н. Гиппиус Медный Всадник становится “душой” и “проклятого города” Чертограда, и великого града, “созданного Петром и воспетого Пушкиным”, и “прекрасно– страшного Петербурга”.

З.Н. Гиппиус, переехав в Петербург в 1889 после венчания с Д.С. Мережковским, всегда ощущала себя коренной жительницей города. Поселившись в 1914 году на Сергиевской (дом 83), “около решетки Таврического дворца”, она ощущала себя не столько зрителем, сколько участником последнего акта исторической трагедии России.

“И знать, и видеть, и понимать (и писать) я могу только здесь”¹⁴,– записывает Гиппиус на случайных листках в ноябре 1916 года.

Стихи Гиппиус, посвященные северной столице, вписаны в контекст эпохи, наполнены публицистическим пафосом. Строго говоря, к “петербургскому тексту” можно отнести три стихотворения Гиппиус: “Петербург” (1909), “Петроград” (1914), “Петербург” (1919).

Наша задача – прояснить мифологический уровень этих произведений и доказать их принадлежность к “петербургскому тексту”.

Стихотворение “Петербург” (1909) впервые было напечатано в журнале “Весы” в 1909 году в номере 10/11 без посвящения. При включении во Вторую книгу стихов появляется посвящение Сергею Платоновичу Каблукову, секретарю Религиозно– философского общества (1907 – 1917), созданного Н. Бердяевым, постоянными участниками которого были З. Гиппиус и Д.

---

¹⁴ Гиппиус З.Н. Петербургские дневники.1914–1919 // Гиппиус З.Н. Живые лица: Стихи.

Мережковский. С.П. Каблуков¹⁰ стал секретарем и “Секции по изучению истории и философии религии”, организованной по инициативе З. Гиппиус, Д. Мережковского и Д. Filosofova. Члены секции видели путь преодоления общественного кризиса в религиозной революции, христианстве “Третьего завета”. “Книгой духа” для Гиппиус и Мережковского становится Апокалипсис. Образы этой книги органично входят в художественную ткань стихотворения, возрождая петербургский миф конца:

*. Твое дыханье – смерть и тленье,
А воды – горькая полынь*

Вновь возникает образ “перевернутого мира”, в котором “как уголь, дни, – а ночи белы”, “водный ход обратен”. Это город смерти, где возможно лишь подобие жизни (тема намечена в лирике Н.Огарева), поэтому “холодное кипенье страшной бездвижности пустынь”.

Петербургская антитеза природы и культуры рождает образ иглы, пронзающий небесный свод. Гиппиус воскрешает мотив восстания стихий. В данном художественном контексте Нева не является воплощением хаоса, напротив, “она словно пробудившаяся совесть, но позора преступления не омыть ее водам”.¹⁵ Петербург обречен на гибель. Гиппиус достаточно оригинальна в мотивировке этой обреченности. Петербург становится Некрополем не потому, что он основан на костях, а потому, что залит кровью:

*Река не смоев рыжих пятен
С береговых своих границ.*

В системе поэтических образов Гиппиус рыжий цвет – цвет крови.

Кровь, пролитая во имя свободы, не искуплена, поэтому в стихотворении появляется мотив предательства – основной мотив в

стихах, посвященных ¹¹ декабристской теме и связанных с “петербургскими”.

Прощения городу не будет. Гиппиус отказывает Петербургу даже в очищающей и сулящей перерождение смерти через огонь:

*Нет! Ты утонешь в тине черной,
Проклятый город, Божий враг,
И червь болотный, червь упорный
Изъест твой каменный костяк.*

Так реализуется в стихотворении самый распространенный вариант эсхатологической легенды петербургского мифа – погружение на дно моря (у Гиппиус – болото). “Стихотворение 3. Гиппиус является ужасной печатью, возложенной на город Петра. Оно написано с той силой ненависти, которые знали исповедники древнего благочестия, предсказавшие граду антихриста гибель: Петербургу быть пусту”,¹⁶ – замечает Н. Анциферов.

Интересно, что в этом стихотворении нет образа самого Медного Всадника, воплощением петербургского “греха” становятся его спутники: “медный змей” и “медный конь”. Медный Вождь появляется в стихотворении 1914 года совершенно в другом контексте. Может быть, фигура умолчания призвана отделить Петра от его “творения”? Это умолчание заставляет осознать многозначность эпитафии (“Люблю тебя, Петра творенье”).

Д.П. Святополк – Мирский назвал “Петербург” Гиппиус 1909 года “истинным шедевром пророческой инвективы”.¹⁷

Вторым обращением к образу Петербургу является стихотворение “Петроград”, написанное 14 декабря 1914 года. 14 декабря – особый день для поэта: “Люблю этот день, этот горький праздник “первенцев свободы”. В этот день пишу мои

---

¹⁵ Анциферов Н.П. Душа Петербурга: Очерки. – Л.,1990.– С.162.

¹⁶ Анциферов Н.П. Душа Петербурга: Очерки.– Л.,1990.– С.162.

¹⁷ Святополк – Мирский Д.П. Годовщины // Версты.– 1928.–№ 3.– С.142.

редкие стихи. Уж очень мне¹² оскорбителен “Петроград”...¹⁸
Впервые стихотворение было напечатано в газете “Речь” в 1917 г. 17 марта (№ 65) в заключительной части статьи “Петербург”. В “Синей книге” З. Гиппиус отмечает это событие, называя стихотворение “крамольным”. “Петроград” вошел в сборник “Последние стихи” (1918г.) – книгу, созданную роковым временем, в котором “все слова – как колющая сталь” (А.Блок).

В этом стихотворении Гиппиус устанавливает связь между деяниями Петра, восстанием декабристов и борьбой своих современников за новый образ города – “прекрасно – страшный Петербург”.

Оксюморон отсылает читателя к пушкинскому описанию Петра в поэме “Полтава”: “Лик его ужасен. / Движенья быстры. Он прекрасен...”. Героический образ основателя города – Медный Вождь– становится воплощением “революционной воли”, которая необходима в борьбе с “растерянной челядью”.

“Как много должно было пережить русское общество, чтобы вновь полюбить Медного Всадника!”¹⁹ – замечает Н. Анциферов.

Как много пережила уже и Зинаида Николаевна, всегда ощущавшая себя в центре политических событий: и закрытие Религиозно – философских собраний, и запрещение журнала “Новый путь”, и яростную борьбу с большевизмом уже с 1905 года, и вынужденное пребы вание три года вне России, и хаос интеллектуальной жизни, и общественную реакцию. Начало первой мировой войны Гиппиус воспринимает как “ужас беспримерный”.²⁰ С 1 августа 1914 года она начинает вести свой знаменитый общественный дневник, главная тема которого –

---

¹⁸ Гиппиус З.Н. Петербургские дневники. 1914 – 1919 // Гиппиус З.Н. Живые лица: Стихи. Дневники. Книга 1.– Тбилиси, 1991.–С.238.

¹⁹ Анциферов Н.П. Душа Петербурга: Очерки.– Л., 1990.– С.156..

воцарение Антихриста, его ¹³ победа над Россией. Все события этих лет Гиппиус воспринимает в эсхатологическом свете с точки зрения “исполнения сроков”.

Переименование города 8 августа 1914 года для поэта ещё один знак наступившего “конца времени”.

В стихотворении появляется новая для “петербургского текста” антитеза — Петроград – Петербург. Петроград – град Антихриста. В “Петербургских дневниках” эта тема получает дальнейшее углубление.

Приведем лишь несколько примеров.

“По манию царя Петербург великого Петра – провалился, разрушен. Худой знак! Воздвигнуть некий Николоград – по казенному “Петроград”,²¹– запись от 29 сентября 1914 года.

“Мороз крепкий (15 о с ветром). “Чертоград” замерз”²²,– запись от 24 ноября 1915 года.

“Винные погромы не прекращаются ни на минуту. Весь “Петроград” (вот он когда Петроград!) пьян”,²³– от 4 декабря 1917 года.

“Город бел, нем, схоронен в снегах”²⁴,– от 22 декабря 1917 года.

Петроград – это город “челяди” и “предателей”. Насыщенное злобой дня, стихотворение гневно обличает всех, “кто посягнул на детище Петрово”. Думается, в этих стихах отражены споры, которые вели Гиппиус и Мережковский с тогдашними “почвенниками”. Свою позицию и позицию Зинаиды Николаевны Д.Мережковский сформулировал в статье “Мещанство и русская интеллигенция”: “... мы, “беспочвенные”

---

²⁰ Гиппиус З.Н. Там же.–С.235.

²¹ Гиппиус З.Н. Там же.–С.2

²² Гиппиус З.Н. Там же. – С.259.

²³ “Черные тетради” Зинаиды Гиппиус // Звенья: Исторический аламанак.–Спб.,1992. Вып. 2.–С.32.

²⁴ Там же. – С.37.

интеллигенты, предпочтем¹⁴ остаться с Петром и Пушкиным, который любил Петра как родного из родных, нежели с теми, для кого Петр и Пушкин – чужие”.²⁵

Петербург – это город свободы, которая может быть завоевана только революцией, но “наша революция еще впереди”. Еще не “воссиял свет разума”...”²⁶

Образ революции в стихотворении “Петроград” предвосхищает блоковские образы в поэме “Двенадцать”:

*Во влажном визге ветреных раздолий
И в белоперистости вешних пург,
Создание революционной воли —
Прекрасно – страшный Петербург!*

Позднее Гиппиус сама обратит внимание на удивительно пророческое совпадение последних строк с погодой начала марта 1917 года.

После Октябрьской революции пророчества о скорой гибели Невской столицы входят в моду. “Пережив мучительнее большинства наших поэтов трагедию “Октября”²⁷ (С. Маковский), Гиппиус и в политических стихах сохранила свою “единственность” (А.Блок).

В апреле 1919 года она напишет стихотворение “Петербург”. Уже с эпиграфа – автоцитаты из стихотворения “Петербург” 1909 года начинается покаяние поэта:

*В минуты вещей одиночеств
Я проклял берег твой, Нева.
И вот сбылись моих пророчеств
Неосторожные слова.*

Проясняется смысл пушкинского эпиграфа к стихам 1909 года. Любовь поэта к городу – “остра, как ненависть, как

²⁵ Мережковский Д.С. Мещанство и русская интеллигенция // Полярная звезда.–1905.–№1.–С.40.

²⁶ “Черные тетради” Зинаиды Гиппиус// Звенья: Исторический альманах. – Спб.,1992. Вып.2.–С.63.

²⁷ Маковский С. На Парнасе “Серебряного века”.– Мюнхен, 1962. – С.95.

ревность” – она отвергает всё,¹⁵ что скрывает величие Петербурга. Но, осознав реальную гибель города²⁸, Гиппиус противостоит ей всей силой творческой любви.

В стихотворении все осмыслено по – новому: и антитеза воды и огня, и образы Медного всадника. Петербургский миф конца решительно отвергается. Пройдя через “победный, всеочищающий огонь”, Петербург будет жить!

“Петербургский текст” Гиппиус создавался в страшные, переломные годы. Не случайно, его главный пафос – апокалипсический. Однако З.Н. Гиппиус сумела приблизиться к “петербургской идеи”, противопоставив черному хаосу творческую и творящую любовь. И в этом ее поэтическая позиция сродни пушкинской.

В “петербургских стихах” Гиппиус мы находим все основные признаки “петербургского текста”. Это и обращение к петербургскому мифу, и амбивалентность образа Петербурга, и знаковая насыщенность текста, и наличие узнаваемых топографических, культурно – материальных примет города, и атмосфера “петербургского ужаса”, и тема пророчества. Петербург становится главным героем стихов, выступая в образе живого, мистического существа.

З.Гиппиус вносит в “петербургский текст” публицистический пафос, жестокую резкость, свою “неистовую душу” (В. Злобин).

---

²⁸ “Да, целый город, Петербург, созданный Петром и воспетый Пушкиным, милый, строгий и страшный город – он умирал...” // “Петербургские дневники” – С. 166.

Список используемой литературы.

-

1. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Быль и миф Петербурга. Петербург Достоевского. – М.: Книга, 1991.
2. Архангельский А.Н. Стихотворная повесть А.С. Пушкина “Медный всадник”: Учеб. Пособие для филол. спец. вузов. – М.: Высш. шк., 1990.
3. Белый А. Ритм как диалектика и “Медный Всадник”: Исследование. – М., 1929.
4. Бидерманн Г. Энциклопедия символов: Пер. С нем. – М.: Республика, 1996.
5. Борев Ю.Б. Искусство интерпретации и оценки (Опыт прочтения “Медного всадника). М: Сов. писатель, 1981
6. Брюсов В.Я. Мой Пушкин: статьи, исследования, наблюдения. – М.–Л.: Госуд. из – во, 1929. Осповат А. Л., Тименчик Р. Д. “Печальну повесть сохранить...”: Об авторе и читателях “Медного всадника”. – М.: Книга, 1985.
7. Еремин М. “В гражданстве северной державы...” (Из наблюдений над текстом “Медного Всадника”) // В мире Пушкина: Сборник статей. – М.: Сов. писатель, 1974.
8. Зинаида Николаевна Гиппиус (1869 – 1945): Библиограф. материалы / Авт. – сост. С.П. Бавин; Рос. гос. б–ка. – М., 1955.
9. Каган М.С. Град Петров в истории русской культуры. – СПб.: АО “Славия”, 1996.
10. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М., 1988.
11. Лотман Ю.М. Пушкин. – СПб.: Искусство, 1995
12. Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество. – М.: Наука, 1981
13. Маковский С. На Парнасе “Серебряного века”. – Мюнхен: Из – во ЦОПЭ, 1962.

14. Макогоненко Г.П. Творчество ¹⁷ А.С.Пушкина в 1830 годы (1833 – 1836): Монография. – Л.: Худож. лит., 1982.
15. Маркович В. Петербургские повести Н.В. Гоголя: Монография. – Л.: Худож. лит., 1989.
16. Мережковский Д.С. Вечные спутники // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М.: Республика, 1995.
17. Мережковский Д.С. “Больная Россия”. – Л.: Из – во Ленинградского университета, 1991.
18. Метафизика Петербурга: Петер. чтения по теории, истории и философии культуры. – Вып. 1. – СПб.: ФКИЦ “Эйдос”, 1993.
19. Петербург как феномен культуры: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Григорьев. – СПб.: Образование, 1994.
20. Петербург как феномен культуры: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Григорьев. – СПб.: Образование, 1994.
21. Святополк – Мирский Д.П. Годовщины // Версты. – 1928. – № 3.
22. Синдаловский Н.А. Легенды и мифы Санкт – Петербурга. – СПб.: “Норинт”, 1997.
23. Слонимский А.Л. Мастерство Пушкина. – М., 1959.
24. Томашевский Б.В. Петербург в творчестве Пушкина // Пушкинский Петербург. – Л., 1949.
25. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Издательская группа “Прогресс” – “Культура”
26. Ученые записки. Вып. 664. Семиотика города и городской культуры. Петербург: Труды по знаковым системам. 18. – Тарту, 1984.
27. Ходасевич В.Ф. Петербургские повести Пушкина // Аполлон. – 1915. – № 3. – С.33 – 49.
28. Эйдельман Н.Я. Пушкин: Из биографии и творчества. 1826 – 1837. – М.: Худож. лит., 1987.

